

«Двенадцатая ночь» в Театре имени Станиславского

АВАНГАРД ВЛАДИМИРА МИРЗОЕВА

Независимая газета. — 1999. — 19 нояб., — с. 7

Ирина Устинова

ВЛАДИМИР МИРЗОЕВ действительно удивил. Не каждому режиссеру удается поставить две комедии Шекспира в одном театре и фактически одновременно. Вслед за премьерой «Укрощение строптивой» последовала «Двенадцатая ночь, или Что угодно». Но, видимо, таков спрос — зрителю хочется смеяться.

В «Двенадцатой ночи» сказочные персонажи Шекспира с длинными волосами, торчащими ключьями во все стороны, заполняют все пространство сцены. Они беспрестанно перемещаются в пространстве, неожиданно нырявая из двух невидимых ям и снова ныряя туда же, прихватывая с собой бутафорские предметы. Мирзоев нежно любит своих необычных героев. Щедрой рукой он раздал им множество эффектных выходов. Взять хотя бы Орсино (Сергей Пинчук) — его тело попросту элегично и траурно выносят на сцену. Для выхода Мальволио (Сергей Маковецкий) придумал забавную репризу — спецэффект: на корточках, с юбкой на шее, скрывающей ноги, Маковецкий очень смешно, карликом, выплыл на сцену и продефилировал в сопровождении своей свиты, разумеется, не пригибаясь до его уровня.

На этот раз Сергею Маковецкому на сцене не было равных. Его Мальволио, жуткий ханжа, движимый единственной страстью — честолюбием, был смешон, трогателен и порой вызывал жалость. Вершиной комизма Мальволио, безусловно, стало чтение письма от Оливии — концертный номер внутри спектакля. Но по-

*Владимир Мирзоев в «Двенадцатой ночи» продемонстрировал склонность к бурлеску.
Фото Михаила Гутермана*

настоящему вводным был эпизод с девушкой Олей (Ольга Лапшина), пришедшей в пьесу из 1960–1970-х годов. Покручивая

раскрытый красный зонтик, она распевает советские песенки, приводя всех присутствующих в зале и на сцене в полный восторг.

Цель визита колоритной Оли, которая могла бы быть какой угодно, — наращивать ритм веселья.

Главная обольстительница Оливия в исполнении Ирины Гриневой очень чувственна и на редкость пластична, кокетлива и иронична. И если в начале действия, когда она скорбела по умершим родственникам, носила закрытую одежду и черную вуаль, то в конце бегала по сцене в белом, маленьком платьице, трогательно приоткрывающем самую нижнюю часть ее спины.

Мирзоев не изменяет не только своим актерским пристрастиям (Сергей Маковецкий работает с ним во многих спектаклях), но и художнику по костюмам Павлу Каплевичу. Известный кудесник в союзе с Евгением Панфиловым одел и обул актеров во все крайне фантастическое, эротичное, с воротами и в полной мере соответствующее современным взглядам на вещи. Часто некоторые элементы одежды играли свою дополнительную молчаливую роль. Например, капроновая юбка колокольчиком нередко вдруг перескакивала с талии актера на шею; вид последнего становился настолько дурацким, что сразу перечеркивал значимость ранее сказанного.

В «Двенадцатой ночи» заметна явная склонность Мирзоева к жанру бурлеска. Он любит соединить представление о возвышенных, всеми уважаемых чувствах и ироничное, низкое средство их выражения, или же использовать высокопарность речи в банальной теме.

Финал спектакля оказался достаточно символичным. Актеры в белых нарядах и белых париках выходят на сцену, на ее краю омывают ноги, затем надевают обувь и застывают, кукольно улыбаясь. ■